

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Дмитриев-Кельга.

В. А. Молодцов (*Сандрё-Васё*).—К грамматической классификации слов зырянского языка.

(Коми Издат. 1928 г. стр. 128 т. 2000. Ц. 1 рубль).

В предисловии автор пишет: „Наша книжка преследует скромную задачу—помочь в деле грамматической классификации слов зырянского языка тем, кому придется иметь дело с преподаванием зырянской грамматики“.

Помощь эта сводится к „намечению отдельных вех“ по пути к решению вопроса о классификации.

При чем „описание отдельных частей речи с синтаксическим к ним подходом поневоле должно носить провизорный характер... в силу... не разработанности синтаксиса зырянского языка (3—4)“.

Под углом зрения приведенных здесь положений мы и рассмотрим настоящую работу, т. е. мы должны остановиться на: 1) грамматической классификации, как таковой, 2) на рассмотрении пути направления классификационных устремлений, 3) на педагогической стороне этого вопроса и т. д.

Вопрос о классификации слов также древен, как и вопрос об изучении языков, как и само языкознание, частью которой является грамматическая классификация. Уже умы греческих мыслителей были волнуемы этим вопросом. В сущности, ими и была установлена основа той классификации, которая с некоторыми изменениями проникла во все передовые языки, в том числе и русский, и известна в настоящее время под названием системы деления слов на „части речи“. В истории языкознания были попытки установления и других видов классификации, но все они в своей сущности не выходили за пределы формального подхода к языковым фактам и явлениям. Они к языку подходят извне, а не освещают его внутреннюю систему, от которой зависит в действительности сама группировка слов по категориям.

По раз установившейся традиции и новые письменные языки механически перенимали приемы индоевропейской¹⁾ классификации для своих целей. К тому же, старое сравнительное²⁾ языкознание, гипостазировавшее

¹⁾ Индоевропейское языкознание—изучает языки: французский, английский, немецкий, русский, польский, греческий, латинский, индийский и др., характерная черта которых это изменение основы слова под влиянием окончания, наличие для каждой части речи особой формы и т. д.

²⁾ Сравнительное языкознание, колепаративное яз. и т. под., то же самое индоевропейское языкознание. Историю языка сводит к истории изменения звуков. Новое языкознание, яфетидология или материалистическая лингвистика (в 1928 году организована комиссия при Коммун. Академии под председ. Акад. Марра) считает, что изменение звуковых комплексов языка подчинено социальным условиям и одновременно с изменениями значения этих звуковых комплексов, т. е. семантики. Яфетидология отвергает абсолютность принципа грамматической классификации.

фонетические законы, стоящее на формальной точке зрения, чрезвычайно способствовало внедрению в массы языков принципов формальной грамматической классификации.

Этим объясняется то, что мы видим повсеместное господство последнего при наличии только слабых попыток установить новые принципы классификации слов языков.

По этой же причине древнейшие бесписьменные языки Советского Союза, строя свою письменность, вынуждены так же механически переносить на себя готовые схемы грамматической классификации.

Лингвистически образованный и научно-подготовленный автор рецензируемой книги не мог не критически следовать по этому традиционному пути. Недостатки последнего в применении к зырянскому языку выпирали наружу и кричали о недопустимости такого насилия. Но новых путей еще нет, они даже не „намечены“, значит их нужно еще пролагать. Настоящая книга и является попыткой наметить новый путь грамматической классификации. Впрочем, нужно заранее предупредить читателя, что в книге мы не найдем четкой постановки вопроса. Автор только приступил к намечению путей, ничуть их не наметив.

В основном он остался на почве формально грамматической классификации. Поэтому на вопрос: „какая же разница в классификации слов на части речи в зырянском и русском языках?“ естественно должен ответить: „Вообще и принципиально—никакая (28)“. Ясно, что при такой постановке своих задач, автору пришлось ограничиться одним разнесением найденных зырянских языковых форм по рубрикам и категориям, установленным старым языковедом и уточненным автором. Все что не вошло в эти рубрики, осталось не разъясненным и не классифицированным.

Никто не отрицает важности такого выявления сходств и различий между русским и зырянским языками, но никто и не может сказать, что тем самым уже намечен путь новой классификации слов зырянского языка.

Но даже оставаясь на старой формально-грамматической классификации, автор не мог закрыть глаза на некоторые недочеты этой последней, еще более резко выявляемые при приложении их к зырянскому языку. Логика фактов зырянского языка поставила перед автором вопрос о слиянии некоторых категорий (существительного, местоимения и числительного) в одну—субстанциональную категорию, при перенесении некоторых частей, входивших в указанные категории, в категорию—аттрибутов. Тем самым был произведен автором „династический“ переворот внутри старой классификации и внесены в последнее элементы синтаксических категорий.

Несомненно, что это последнее встретит отчаянный отпор со стороны старьевщиков прежней классификации. Идеологическим формулированием такого переворота можно считать то место книги, где автор пишет: „переход от морфологии к синтаксису в деле классификации следует считать и возможным и необходимым, так как, если самое возникновение частей речи выходит к словосочетанию, то нет ничего более законного, как связать в предусмотренных случаях эти части речи с составляющими ее частями предложения (32)“. Но этот переворот не является еще решающим изменением самого принципа классификации. Синтаксис все еще стоит в стороне и только в некоторых случаях привлекается для участия в созидательной работе. Отношение к нему еще не четко и не определено. Если в одном случае (32) автор склонен придавать решающее значение в генезисе категорий синтаксису, то в другом (28) мы этого не находим. Там мы

читаем „однородное склонение для субстантива и для атрибута, обуславливает возникновение категорий, которую мы называем „субстанциональное—атрибут, это имеет место там, где формальные признаки ступеньваются при фонетической омонимности и совпадения значений (ва—вода, ва—сырой, мокрый и др.).

Между тем, дело обстоит, именно, как раз наоборот. Не „субстанционально-атрибутивная“ категория находится „между (44)“ субстанциональной и атрибутивными категориями, а последние получились от дифференциации первой категории, бывшей до того только „номинальной“. При том в этой дифференциации ничтожную роль принимала, именно, система склонения, ибо образование новых категорий было вызвано дифференциацией только в системе синтаксиса, в предложении. Возьмем для примера предложение: Ва-турунд оькыд (39). Молодцов переводит „мокрая трава тяжела“, что, конечно, в понимании русского языка совершенно правильно, ибо в последнем мы уже находим резкое различие между „предметом“ и „качеством“ предмета. Не то в зырянском. „Предмет“ и „качество“ еще не дифференцированы, они только сейчас дифференцируются, т. е. „качества“, как такового еще нет, само качество еще опредмечено, субстантивировано. Поэтому перевод должен быть таков: „(с) водой—трава тяжела“; понятия „мокрый“ еще нет, есть понятие „имеющий воду, смешанный с водой“, но не имеющий качество — „сырость—мокроту“. Точно так же и „Сојан-наъ бырі“ не значит „съедобный хлеб вышел“, а нечто иное. Это значит, что „хлеб, приготовленный, попеченный недавно, заготовленный на определенное время к еде, вышел, буквально, кончился“. Понятия „съедобный“—оојан и „несъедобный“—оојантѳм в смысле „негодный к еде, вредный“, еще нет, ибо всякий хлеб съедобен постольку, поскольку он является хлебом. „Сојан“ здесь определяет не качество предмета, а его количество, тогда как русское понятие съедобный ничего не говорит о количестве хлеба, заготовленного для еды. Факт процесса дифференциации зырянских слов, происходящий на глазах говорящего поколения, автором не отмечен, не заострен и при построении схемы грамматической классификации не учтен. Между тем, имелась полная возможность иллюстрировать, как от перемены места в предложении изменяется значение „ва“ и других слов и как они дифференцируются благодаря закреплению на данном месте в предложении или по другим причинам.

Таким образом, путь новой классификации, соответствующей системе зырянского языка не намечен.

Перейдем к рассмотрению самой классификации. Формальная классификация имеет три варианта: фонетический, морфологический и синтаксический. Первому виду автор уделяет вступительные страницы, второму—большую часть книги, и последнему 25 страниц. При чем синтаксическая классификация в сущности является продолжением морфологической, т. к. в ней мы находим перечисление взаимоотношений элементов той же морфологической классификации. Синтаксиса, как такового нет, а есть только „синтаксированные“ морфологические факты. В этом несомненно мы находим полное подавление инициативы автора авторитетами русской лингвистики.

Недаром сам автор пишет, что „пособием для нас служит книга проф. М. Н. Петерсон „Очерки синтаксиса русского языка“, которую во многих случаях используем включительно до формулировки“ (109).

Морфологическая же классификация автора представляет богатый материал, удивительную утонченность и детализованность. Мы здесь видим

богатую способность автора к предельной детализации и уточнения разбираемого явления.

Достаточно указать на стр. 34, где автор делает грамматический анализ слова (формы) „міча-жык-сб“, чтобы доказать правильность нашего предположения. Но мы уже раньше констатировали, что эта классификация не охватывает всего богатства слов зырянского языка, она не вскрывает всей сущности языка, а разрабатывает только те части, какие соответствуют требованиям схемы автора (38).

Что же касается педагогической стороны книги, то нужно сказать, что, как язык автора, так и чрезвычайная утонченность классификации, едва-ли преодолимы для низового учительства, нуждающегося в возможно четкой постановке вопроса.

Резюмируя изложенное мы можем сказать: настоящая работа автора является результатом углубленной научно-исследовательской работы над коми языком. Она идет в разрез установившейся традиции в старой лингвистике, но в применении к чужому по структуре для индоевропейских языку этот переворот оказывается недостаточным. Необходима коренная переработка вопроса о „грамматической“ классификации слов в сторону „морфологизации“ синтаксиса и введения историко-генетического элемента.

Настоящая работа послужит исходным пунктом и указателем необходимости иной классификации слов.

